

Часть 1

Пешку
убирают
с доски

*«Пешки — самые слабые фигуры.
Во время игры для достижения победы
ими можно пожертвовать».*

*Шахматы
для начинающих*

Глава 1

Древнее, отполированное сотнями прикосновений дерево рукоятки нежно ласкало ладонь. Обтянутая истертым бархатом лопаточка скользила по гладкой доске, почти не встречая сопротивления. Повелитель никогда не касался фигур руками. Только лопаточкой, мягкой чуть выцветшей от времени тканью. И никогда не делал резких движений. Медленно передвигал фигуры в надлежащее место или осторожно сталкивал их с доски, если того требовала игра. Вот они. Слон, башня, десятка три пешек. Когда-то они были необходимы, чтобы поддерживать равновесие сил в этой части доски, ценные участники большой Игры. Но теперь Игра требовала убрать их. К несчастью, это не так просто. Много лет назад им было позволено выстроить сильную защиту. Повелитель склонился над доской, бездумно поглаживая рукоятку, а потом решительно двинул вперед коней и слонов.

Клочья облаков летели над морем легко и свободно, и Обр летел вместе с ними. Выше чаек, выше шумящих сосен, выше прибрежных скал. Старая

сосна нависала над самым обрывом. Ветер дул упругими толчками, раскачивая колючую ветку. Ветка пружинила, подбрасывала Обра, так что сердце замирало, но ствол за спиной, весь в шуршащих чешуйках отслоившейся коры, был шершавый, толстый, надежный.

Раньше, когда Обр был совсем мелким, ему нравилось забираться сюда. Зажмуривался и представлял, будто мать качает его на руках. Дремучая дурь, конечно. Матери своей он вовсе не знал, а отец его на руках сроду не носил. Обр был седьмым сыном, не считая тех, кто помер в младенчестве, и до вчерашнего дня думал, что отец вообще не помнит о его существовании. Так, бегает по двору что-то, не стоящее внимания. Урвет кусок-другой на поварне и снова исчезает с глаз долой.

Оказалось, помнит. Так что на любимую сосну нынче пришлось лезть не для того, чтоб полюбоваться восходом луны над заливом. Впрочем, и луну, и Усольскую бухту Обр видел уже тысячу раз и мог бы описать их с закрытыми глазами. Слева от выхода в море — мыс Рогатый Камень, седые скалы. На скалах — огонь маяка. Зажгли уже, хотя еще не совсем стемнело. Чуть ближе — черные треугольнички крыш, десятки труб и шпилей с флюгерами, высокие кресты трех храмов — город Большие Соли. Еще ближе бледные полосы прибрежных дюн, прорезанные сизыми языками сосняков. Над сосновыми лесами — одинокие скалы, торчащие посреди каменистой пустоши. А как раз напротив Больших Солей, на другом берегу почти круглой бухты — Соли Малые.

Тут уж крест всего один, и шпилей никаких не видеть. Деревня деревней. На главной улице коз пасут,

а туда же: город считается, как при Деде. И судья, и городской старшина, и даже городская стража имеются. Даром что вместо каменной стены загородь из жердей, да и то больше для того, чтоб козы не разбежались. Дед никогда такого не допустил бы. Давным-давно, еще когда Дед был молод, вся эта земля, все, что видно глазом, принадлежало Хортам. Охотничьи угодья, скудные, засоренные камнями поля, дюны и пустоши, рыбные ловли, города и деревни. Но этого Обр уже не застал. Все было отнято еще до его рождения. Жестокого захватчика, князя Доната, проклинали в Усолье уже лет двадцать. Теперь только и осталось, что Укрывище. Но ничего. С этой ночи все переменится. Войска князя будут изгнаны, Усолье вздохнет свободно, и Хорты вернут свое.

В лесу резко захохотал филин. Обр вздрогнул, хотя ждал этого уже больше часа. Умеет братец Герман нагонять жути. Уж лучше бы волком выл, как все люди.

Обр нехотя отлепился от надежного ствола и, легко качнувшись вперед, распростерся вдоль толстой ветки, отдался на милость ветра. Пахучие острые иглы коллоли правую щеку, лезли в глаза. Руки тут же стали липкими от смолы, штанам и рубахе тоже досталось. Впрочем, всерьез повредить этим штанам ничто уже не могло. Получил последыш Хортов сей нужный предмет, как всегда, от Конрада. А до этого их носил, кажется, дядька Сигурд. Так что два-три лишних пятна их только украсили.

Текли минуты. Ветер выл, ветка раскачивалась, Обр ждал. Сосна нависала прямо над дорогой, которая в этом месте как раз круто поворачивала на юг. Дороги он не видел, мешали нижние ветки, да и ночь уже

почти наступила. Но тем, кто умеет слушать, видеть не обязательно. Гулкий быстрый топот. Три всадника пронесли галопом. Разведчики. Проверяют дорогу. Ну-ну. Тяжкий мерный грохот множества конских копыт. Большой отряд, всадников тридцать, не меньше. Основная охрана. Обр ждал, пропуская их под собой, терпеливый и собранный, как змея в засаде.

Минутная тишина. Наконец, снова топот, шелест упряжи, деревянный перестук колес. Обр вздохнул во второй раз и медленно стек, соскользнул с ветки, с сухим шорохом прорвался сквозь нижние сучья и мягко, на все четыре, упал на туго обтянутый грубым полотном верх повозки. Полотно спружинило и само толкнуло его вперед, туда, где над крытым верхом торчали, покачивались в такт дорожной тряске солдатская треуголка и приплюснутая посредине валяная шапка. Охранник и возница.

Охранник встревоженно повернулся, любезно подставив свой висок под коротко свистнувший кистень¹. Не мешкая, Обр спрыгнул на освободившееся место и с ходу двинул начавшего привставать возницу коленом в челюсть. Тот глухо охнул и тоже исчез из виду.

Ловко подхватив вожжи, последыш Хортов сунул короткую рукоять кистеня за пояс, уселся поплотней, крепче уперся ногами и, выдернув из-под козел кнут, от души махнул по всей четверке.

Момент был рассчитан верно. Дорога, удаляясь от обрыва, стала шире. Охрана придержала коней, раздвинулась, чтобы продолжать движение, окружив повозку

---

¹ Кистень — холодное оружие, груз, соединенный цепью с рукояткой.

во всех сторон. Понукаемая Обром четверка лошадей, запряженных цугом², бурей ворвалась в образовавшийся проем. И тут же в тех, кто еще преграждал ей путь, сверху со склона холма, из густой сосновой поросли полетели стрелы. Сзади, от обрыва, загрохотали выстрелы. Дядька Ольгерд с сыновьями замкнул засаду, занялся той частью охраны, что ехала позади повозки. Обр повис на вожжах, на всем скаку объезжая чью-то упавшую лошадь. Повозка прогрохотала по камням и кочкам, стала валиться набок, но он каким-то чудом удержался на козлах и вернул напуганных коней на дорогу. Сзади орали и стреляли, но его это больше не тревожило. Там отец с братьями, дядька Ольгерд с сыновьями, а если кто-то и прорвется, дядька Сигурд его перехватит.

Вот, так и есть. Навстречу, обтекая повозку с двух сторон, в темноте пронесся конный отряд. Немного, человек десять. У дядьки Сигурда почему-то рождались только девки. Их сплавляли в деревню и забывали о них. Так что у Сигурда под началом не было ни одного настоящего Хорта. Только наемники, пришлый сброд, которым подавай только деньги.

На Обра даже не поглядели. Промчались мимо в тишине, точно дикая охота. Лишь последний весело выругался и, перегнувшись в седле, успел вытянуть парня плетью. Слегка, в качестве поощрения. «Маркушка...» — Обр усмехнулся и, в свою очередь, прошелся кнутом по конским спинам. Так, чтоб не спали.

---

2 Цуг — упряжка лошадей, идущих по одной или парами одна за другой.

Маркушка был откуда-то издалека, с юга, аж из-за хребта. В Укрывище он считался немного тронутым.

Лет восьми не по годам шустрый Обр выучился выть волком. Да так здорово, что куры в ближней деревне падали замертво. Ясное дело, он все время испытывал свое новое умение на ком попало и однажды под вечер, заметив со стены, как возвращается домой дядька Ольгерд со своими девятью отпрысками, не удержался и завыл. Получилось здорово. Шесть из десяти всадников воробушками выпорхнули из седла. Тех же, кто все-таки усидел на лошади, взбесившиеся кони уволокли в самую чащу, в густой колючий подлесок. Может, это и сошло бы Обру с рук, но, как на грех, среди всадников оказался сам Дед. Он-то, конечно, совладал с конем, но добрее от этого не сделался.

Обр прыгал по стене, надрываясь от хохота, пока его не ухватили за ухо. Очень крепко. До сих пор, как вспомнишь, левое ухо ноет. Потом Дед собственноручно выдрал его, а уж потом поинтересовался: чей он? Из Свеновичей, сознался зареванный Обр.

Отец, получив от Деда нагоняй за Обровы прегрешения, сам последыша драть не стал. Должно быть, еще помнил, какая у Деда рука тяжелая. Вместо того он приставил к провинившемуся чаду Маркушку. Старый, битый вор вовсе не горел желанием идти в няньки. Но тогда он только появился в Укрывище, прихрамывал, часто кашлял и пуще всего боялся, как бы его не выгнали за древние, но еще надежные стены прямо в лапы княжеской стражи. Чужаков, особенно больших и каличных, Дед не жаловал. Так что пришлось Маркушке, стиснув зубы, возиться с малолеткой.

Обр тоже не особо обрадовался. До этого он жил, как хотел, спал, где придется, ел, что удавалось урвать на поварне, и сутками пропадал в лесу. Он рано понял: там лучше, чем в Укрывище. И еду добыть проще, и тычков и затрецин избежать легче. За стены Укрывища его загоняла только зима. Да и то окрепшая, самая лютая. Наставники ему не требовались. Вырвать из рук старших братцев хорошую кость с остатками мяса и спрятаться после этого, чтоб не нашли, выдоить чужих коз прямо на пастбище, ставить силки на рябчиков и руками брать дурную дикушу³, управляться с острогой⁴, добывая мелкую рыбешку в холодных ручьях, — все это младший из славного рода Хортов знал и умел прекрасно. Убегать и прятаться, доводя новоявленного наставника до безумия, — тоже. Маркушка пробовал лупить его — не помогало. Обр был увертлив, а Маркушка хром. Тогда с горя злосчастный наставник пораскинул умом и отправился на поварню.

На следующее утро, когда Обр, как обычно, пытался улизнуть из Укрывища, у любимой лазейки за кухонным водостоком его уже поджидал Маркушка. Сидел, ухмыляясь, на торчащем корне прилепившейся над обрывом сосны. На коленях — горшок просянки, в руках ложка. Вторая ложка приглашающе торчала из густой ноздреватой каши. Есть Обр хотел всегда, сколько себя помнил. А особенно зимой. Зимой только и оставалось, что поворовывать яйца в курятниках и обчищать плохо запертые подклети. Благородные

---

3 Дикуша — редкая птица, представитель тетеревиных.

4 Острога — трезубец для рыбной ловли.

Хорты не крадут. Всего лишь берут у своих холопов то, что по праву им причитается. Это Обр усвоил с младых ногтей. Но местные холопы держались иного мнения, за паршивую курицу или пару-тройку яиц могли и прибить.

Между тем Маркушка уписывал кашу за обе щеки, причмокивал, облизывал ложку. В тот раз Обр все же выдержал характер, презрительно свистнул и скатился с кручи в гущу росших на дне оврага будылей и крапивы. Но на следующий день Маркушка явился на то же место с кабаньей ногой, на которой оставалось еще много истекающего соком, покрытого коричневатой корочкой мяса. Этого Обр вынести уже не смог. Он получил кабанью ногу и вгрызся в нее так, что аж в ушах запищало, а хитрый Маркушка обрел возможность приглядывать за строптивым отроком хоть пять минут в день. Чтобы, налопавшись, мелкий паршивец сбежал не сразу, старый бродяга, покряхтев, завел длинную запутанную историю. Как раз в тот день Обр впервые выслушал рассказ о побеге с каторги. Впрочем, даже тогда не поверил ни одному слову. Маркушка врал, но врал так занятно, что порой Обру хотелось, чтоб все это было правдой.

Так оно и пошло. Маркушка подкармливал последнего Свена, присматривал, чтоб тот не попадался на глаза отцу и деду и не слишком пакостил в Укрывище. Между делом учил помаленьку тому, что сам знал. А знал он много. Умел складывать склады и даже подписать свое имя. И цифирь разумел, столбцы наизусть говорил, до семью восемь пятьдесят восемь. В тюрьме выучился. До Укрывища Маркушка был карманником где-то далеко, в большом городе, но успел побывать

и конокрадом, и мародером, и морским разбойником. На каторге оттрубил пять лет — и горел, и тонул, если бы не сбежал, непременно там бы и помер. В общем, знающий человек, опытный. Одно худо: не Хорт по рождению. Тогда бы ему вовсе цены не было.

С руганью и затрещинами, с кривыми ухмылочками Маркушка худо-бедно выучил Обра и грамоте, и цифири, и даже болтать по-чужеземному, чтоб не облапошили на торгу. Благородному бою научить, конечно, не мог. Но благородного боя никто из младших Хортов как следует не разумел. Хорошо владели клинком лишь отец и старшие дядья, которых обучал еще Дед, пока был в силе. Зато любая поножовщина Маркушке была нипочем. Ясное дело, каторжный.

Обр усмехнулся, потихоньку придерживая разогнавшихся лошадей. Звуки схватки давно затихли позади. Коней тоже пожалеть надо. Полоса светлого лунного неба меж черных косматых сосновых веток, качаясь над головой, то и дело гасла, пропадала за низко несущимися штормовыми тучами. Свету на лесной дороге только и было, что от этой полоски. Обр чуть не пропустил поворот. Правда, пути тут отродясь не было. Пришлось загодя прогуляться по лесу, отыскивая местечко поровней, подальше, в самой чаще, срубить несколько деревьев, убрать мешавшие валуны и проделать широкий проход в густых кустах.

Обр осторожно поворотил лошадей, свел с каменной дорожки в лесной прогал, на ощупь забросал следы колес прошлогодней хвоей, заранее припасенными сухими ветками. Хвоя пахла прохладной

прелью, ветки — сухой, выжженной солнцем сосновой смолой. Он усмехнулся, вдохнул поглубже ускользящие лесные запахи, вернулся к коням, огладил коренного, потянул вперед, подальше от дороги. Повозку мотало, подкидывало, Обр недовольно прислушивался к скрипу осей, к тому, как колеса обрушиваются в ямы под корнями, скрежещут по подвернувшимся валунам.

А Семерик не соврал. Груз тяжелый. Поглядеть бы, что там. На ходу парень попробовал сунуть руку под полотно. Завязано было плотно, под пальцами двигались только какие-то доски. Что там: порох или золото? Снаружи на ощупь не разберешь: то ли бочки, то ли сундуки. Развязать бы... Обр поскреб в затылке концом кнутовища. Развязывать было некогда. Впрочем, до Укрывища оставалось всего ничего.

А Дед-то еще молодец. Точно рассчитал. Расписал как партию в кости. Теперь все по-иному пойдет. У кого порох — тот в Усолье настоящий хозяин. А хозяйка здесь Хорты испокон веков. Так было и так будет.

Замечтавшись, Обр получил по лицу колючей веткой, выругался тихонько и, проведя передних лошадей сквозь густой растрепанный подлесок, выбрался, наконец, на Кузькину луговину.

Кто такой этот Кузька, никто не знал, среди Хортов таких сроду не водилось. Холопское имечко. А ведь живет, держится. Сырой ветер ходил по луговине, гнул траву, трепал темный бурьян на высоких кочках. Обр встряхнулся, влез на передок и потихоньку, огибая знакомые болотца и промоины, кое-как выехал на старую дорогу. Колеса бодро затукали по тесаному камню. Камень был подогнан ровнешенько, без

щелей. Ни трава сквозь него не росла, ни водой его не размыло, хотя дорогу клали еще до Деда, да, верно, и до прадеда. Все Усолье, рассказывают, согнали. Голод даже был, потому что урожай тем летом не собрали, дорогу к Укрывищу строили. Только тогда оно не Укрывищем звалось. Твердыня Хортов, во как. Обр привычно поднял глаза. Над ним, под пестрым от туч небом с неверной ветреной луной, возвышалась громада Укрывища. Парила растрепанным черным вороном над скалами и песчаными обрывами, над гнущимися под ветром вершинами сосен и купами косматой ольхи, над двумя глубоченными провалами, дно которых тонуло в чернейшей тени.

Обр приостановился, свистнул погромче, чтоб перебить шумы и шорохи. Получить стрелу между глаз ему совсем не хотелось. Кузькин лужок простреливался весь, от обрыва до самого леса. Хромуша хвалился, что из своего гнезда над воротами с закрытыми глазами попадет в любую былинку на выбор, и Обр ему верил. Зверь ли, человек ли, появившийся на этом клочке земли без предупреждения, жил ровно столько, сколько требовалось Хромуше, чтоб наложить стрелу.

Издалека долетел по ветру слабый ответный свист. Нахмурившись, Обр вновь сполз с козел и медленно, осторожно потянул коней на мост. Кони всхрапывали недовольно, слегка упирались, но шли. Верили. Маркушка не раз говорил, что конокрад из Обра получился бы знатный.

Обр и сам терпеть не мог этот мост — почти ровесник старой дороги, шатучий, скрипучий, прохваченный ночным ветром. Пропасть под ним, с корявыми соснами, лепившимися по обрывам, с сухим

каменистым руслом в путанице кустов и бурьяна на самом дне, пугала. Пугала и притягивала.

Поэтому по мосту Обр ходил редко и вниз старался никогда не глядеть, хотя понимал: только эти обрывы и кручи, подступающие с двух сторон провалы оврагов, да отвесные скалы вместо третьей, южной, стены до сих пор защищают Укривище и от стражи из Больших Солей, и от взбунтовавшегося быдла, и от войск самого князя. Подступали к нему, мечтая покончить с Хортами. Не раз подступали. Да кишка оказалась тонка. Топтаться на Кузькином лужке, изображая из себя живые мишени, никому не охота. А мост, как ни крути, всего один, и, когда вторая половина поднята, она перекрывает ворота, и попасть в крепость невозможно. Хотя Обр, конечно, попадал. Но не станут же тяжеловооруженные стражники белками сигать по верхушкам сосен и резвыми ящерками ползать на брюхе по грязным камням старого водостока. Сам Обр и то в последнее время в любимую лазейку протискивался с трудом. Что-то плечи стали застревать.

Но сейчас мост был опущен, ворота гостеприимно распахнуты. Обр довольно ухмыльнулся. Ждут его здесь. О-очень ждут. Теперь ему, последышу Свена, совсем другая цена будет. И место у очага найдется, и доля в добыче. Теперь объедков со стола старших он даже нюхать не станет, и кусков на поварне воровать уже не придется. И в город можно будет. Не на базаре у холопов кошели резать, а развлечься по-настоящему. Маркушка рассказывал. Есть там такое заведение, «Морская дева» называется...

Да, другая цена. Лишнего просить не станем, но свое... Свое когтями вырвем, зубами выгребем.

С младенчества Обр твердо знал: люди делятся на тех, кто берет, и тех, кто всю жизнь отдает. Сумел взять побольше — ты сильнее. Пришлось отдать все — ты труп, волчий корм. Стало быть, те, кто вынужден отдавать, — быдло, грязь, неудачники, которых облапошили еще в колыбели. Обр грязью не был. И неудачником, по всему виду, тоже. Он был Хорт по рождению, из тех Хортов, которые нынче поднимутся снова.

Твердой рукой он провел коней в темные ворота. Повозку качнуло, колесо едва не попало в одну из многочисленных выбоин в плитах, уложенных добрую сотню лет назад, но он вовремя спас положение. Войти следовало достойно. Посреди двора его поджидал сам Дед. Седая грива тяжело спадала на плечи, укрытые овчинным полушубком. Под полушубком дорогая кольчуга, оттого и плечи, обычно прямые, горбятся как от тяжелого груза. Все-таки старость не радость. Теплая не по сезону, поярковая⁵ шапка надвинута на глаза, мочушные руки сложены на посохе. С посохом Дед стал ходить не так давно. Не то чтоб он сильно сдал, но все же был уже не тот, что раньше. Впрочем, посох этот не только для опоры. Так что приближаться Обр на всякий случай не стал. Почтительно остановился в некотором отдалении.

— Погоня? — отрывисто спросил Дед.

Обр покачал головой. Слов он тратить не любил, а уж в разговоре с Дедом вообще лучше помалкивать.

---

5 Поярок — шерсть от первой стрижки овцы в возрасте семи месяцев. Поярковая шапка — однослойная или многослойная шапка полуовальной формы, сделанная из поярка.

Дед прислушался, кивнул, не спеша двинулся к повозке. Острый наконечник посоха скрежетал по разбитой брусчатке.

— Из каких ты?

Всех законных и незаконных отпрысков своих восьми сыновей Дед не запоминал.

— Седьмой сын Свена, — почтительно доложил Обр. Дед снова кивнул.

— Последыш, стало быть.

Высокорожденный Сигурд Оберон Свенельд Хорт стиснул зубы. Вот ты, последний Хорт. Босой, без плаща, в драной рыбацкой куртке на голое тело. Нечесанные лохмы треплются по ветру.

Но в род удался. Этого не отнимешь. Косые скулы, рысий прищур, хищный рот. И росту хорошего. Только худой, как хлыст. Не кормят они его, что ли?

Старый Сигурд вздернул подбородок, вспоминая. Вот он сам вводит во двор коня. Настоящего, а не эту деревенскую худобу. Темные волосы красиво струятся из-под собольей шапки. На плечах дорогой бархатный камзол с тончайшими прошивками серебряной нитью. Длинный плащ спадает с плеч, блестит драгоценный мех, белоснежный, как кудри всадницы, нареченной невесты, прерасной Эммарики. Давно это было. Очень давно.

Станет ли этот настоящим Хортом, даже если отскрести с него многолетнюю грязь да одеть как должно? Навряд ли. Дикарь, как все младшие. Волчонок, лесная тварь. Может, права ты была, госпожа Исонда? Да только что твоя правда против моей силы? Не послушали тебя. Вырастили зверей на свою голову.